

Культура

Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор

© 2013

Е. Аурилене

В контексте истории российской эмиграции в Китае в статье рассматриваются проблемы сохранения этнокультурной идентичности в условиях страны-реципиента. На основе сравнительного анализа впервые исследуется роль регионального фактора в сохранении и развитии русской эмигрантской культуры в Маньчжурии, Северном Китае, Шанхае и Синьцзяне¹.

Ключевые слова: русская диаспора, российская эмиграция в Китае, беженская колония, этнокультурная идентичность, эмигрантская культура.

С тех пор, как спецхраны открыли доступ к исследованию истории русской эмиграции и её культурного наследия, прошло около четверти века, но интерес к этой проблематике не иссякает до сих пор. С одной стороны, это вызвано желанием глубже понять феномен, именуемый «зарубежной Россией», с другой — предвидеть перспективы межкультурного взаимодействия народов в условиях современного мира, характерной чертой которого является усиление миграционных потоков. В настоящей статье автор предлагает сравнительно-историческое исследование условий, повлиявших на процесс сохранения этнокультурной идентичности четырёх ветвей эмигрантской диаспоры, сформировавшейся в Китае в начале 1920-х гг. и просуществовавшей до прихода к власти коммунистов.

Способность эмигрантского сообщества сохранять свою этнокультурную идентичность зависит от социокультурных особенностей и политических условий страны-реципиента, а также от ряда «внутренних» факторов, к которым следует отнести численность и плотность расселения эмигрантов, их социально-экономический статус, наличие интеллигентного слоя и др. Беженцы Октябрьской революции и Гражданской войны в России создали крупные этнические колонии в четырёх районах Китая, значительно различавшихся по географическим, политическим, экономическим и социокультурным условиям — в Маньчжурии, Северном Китае, Шанхае и Синьцзяне.

Самая крупная из русских эмигрантских колоний Китая сложилась в Маньчжурии в полосе отчуждения КВЖД. В начале 1920-х гг., в период массового наплыва бе-

Аурилене Елена Евлампиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры общеправовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ РФ. E-mail: elena_aurilene@mail.ru.

женцев, она насчитывала до 150 тыс. чел., к началу 30-х гг. — примерно 60 тыс.², из которых большая часть проживала в Харбине. Среди них были старожилы, проживавшие еще до революции, а также эвакуированные из России остатки «белых» частей и бежавшее от советской власти гражданское население.

Американский исследователь Оуэн Латтимор (1900–1989), автор вышедшей в 1932 г. книги «Маньчжурия. Колыбель конфликта», рассуждая о взаимодействии разных культур и народов в Маньчжурии, заметил, что внушительное по численности русское население никаким образом не поддается китайскому влиянию. Несмотря на положение беженцев, потерю престижа и политического значения, эмигрантское сообщество проявляет упрямство в незнании Китая и отсутствии интереса к Китаю. «Несмотря на тот факт, что русские в меньшей степени находятся под влиянием «расового чувства», чем представители Запада, — пишет О. Латтимор, — русско-китайский брак или жизнь по-китайски считается признаком неудавшейся судьбы»³. Успешный русский едва ли владеет китайским, в то время как преуспевающий китаец наверняка знает русский язык или женат на русской. Ещё одно любопытное наблюдение О. Латтимора состоит в том, что «в Северной Маньчжурии общество презирает русских, но индивиды стремятся быть русскими, насколько это возможно. С другой стороны, русское общество боится китайцев, но индивиды смотрят на них сверху вниз»⁴. Как и всякое обобщение, впечатления американского наблюдателя не бесспорны, но, тем не менее, подтверждают сложившееся мнение о русской колонии как об устойчивой этнической группе, живущей в рамках своих культурных традиций.

Изначально, главным условием сохранения этнокультурной идентичности беженской колонии была развитая инфраструктура русской концессии в полосе отчуждения КВЖД. Не менее важный фактор — достаточно широкая прослойка интеллигенции среди эмигрантов, благодаря которой была расширена сформированная здесь еще до Октябрьской революции система русского образования и воспитания, включавшая дошкольное, среднее, специальное и высшее звенья. Педагогами в школах, гимназиях, колледжах и лицеях часто были бывшие князья и княгини, царские офицеры, т.е. представители высокообразованных слоев российского общества. Особое внимание уделялось гуманитарному циклу предметов — русскому языку, литературе, истории, географии, — формирующих национальное сознание, чувство принадлежности к российской культуре.

Выпускники харбинских гимназий знали теорию стихосложения, учили наизусть множество стихотворений, в том числе и на церковно-славянском языке. Уроки литературы не были подвержены политическим веяниям, учебники приобщали к высокой нравственности, чувству долга и любви к слову. В 1927 г. русские школы в Особом районе восточных провинций получили новые программы, основанные на принципах, разработанных до революции, предполагавшие обязательное изучение Закона Божьего⁵.

Обучение истории включало знакомство учащихся с внешними условиями становления и развития России, её государственным строем, духовными и культурными традициями. Обращалось внимание на место России в мире, евроазиатский характер русского народа, который по происхождению, культуре и духовному складу — народ европейский, но фатально связанный с азиатским Востоком. В этой связи странным выглядит тот факт, что изучению восточных языков в русских школах до конца 1920-х гг. должного внимания не уделялось. Лишь с 1929/30 учебного года в программы школ низшей и средней ступени был включён разговорный китайский язык⁶.

Система русского образования, сложившаяся в Маньчжурии, развивая свои лучшие традиции, в то же время приобретала новые черты, связанные со спецификой местных условий и политических событий. Русская школа разделилась на российскую и советскую, что не мешало учащимся обеих сторон достаточно мирно сосуществовать. К началу 1930-х гг. в Маньчжурии действовало 74 русских учебных заведения (из них 43 — в Харбине), в которых обучалось около 18 тыс. чел., не считая вузов, специальных школ

и кратковременных курсов⁷. В 20-е гг. русская система образования обогатилась высшими учебными заведениями, такими как Юридический факультет, Харбинский политехнический институт, Педагогический институт, Институт Ориентальных и коммерческих наук, Институт Святого Владимира.

В Харбине было широко поставлено русское издательское дело, работали профессиональные театральные труппы, разнообразные творческие коллективы: художественные студии, литературные объединения, кружки и т.д.

Харбин называли «восточным Парижем» и «восточным Петербургом» для русской интеллигенции, создавшей своеобразную «культурную цивилизацию со своей оперой, балетом, театром и литературно-художественными объединениями»⁸. Исследователи творчества поэтов и писателей русского Харбина отмечают, что их произведения вобрали в себя традиции классики и «серебряного века», «монпарнассские» веяния и экзистенциальные мотивы⁹.

Как и всюду в странах русского рассеяния, в Китае фактором духовного единения беженцев и стержнем национальной культуры была православная церковь. До 1922 г. в Маньчжурии существовало 25 православных храмов, из них 7 — в Харбине; в период с 1922 по 1939 гг. усилиями эмигрантов было построено еще 31 церковь, из них 12 — в Харбине¹⁰. Неправославные конфессиональные учреждения заботились о сохранении своих этнокультурных ценностей в изгнании, но органическую связь с культурой России под сомнение не ставили.

Таким образом, в русской Маньчжурии существовал достаточно мощный механизм воспроизводства эмигрантской интеллигенции, воспитанной на духовных традициях отечественной культуры.

В период Маньчжоу-го (1932–1934) и Маньчжоу-дого (1934–1945)¹¹ эмигрантская колония получила своеобразное «эмигрантское правительство» — созданное в конце 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Главная организация — Главное бюро по делам российских эмигрантов (ГБРЭМ) — находилась в Харбине; во всех остальных городах и посёлках, где жили русские эмигранты, открылись его отделения и представительства. Этот орган получил официальный статус административного учреждения, представляющего правовые, экономические и культурные интересы эмигрантской колонии. Культурой ведал 2-й отдел Бюро, начальником которого на протяжении всех лет его существования был лидер русских фашистов К.В. Родзаевский (1907–1946)¹². Назначение на этот пост человека, известного своими радикальными националистическими убеждениями, должно было решить две задачи: консолидировать русское эмигрантское население вокруг национальной идеи и обеспечить его лояльное отношение к оккупационным властям.

Сохранение этнокультурной самобытности русской эмиграции входило в перечень главных задач ГБРЭМ. Официальная инструкция, утверждённая в 1944 г., определяла задачи национальной культурной работы следующим образом: выработка общего сознания всех национальностей российской эмиграции, изучение сущности русской культуры, заботливое сохранение наследия предков и пополнение этого наследия новыми культурными сокровищами¹³. Специальная инструкция устанавливала перечень официальных праздников для россиян, среди которых основную часть составляли русские православные праздники. Главным культурным событием года значился День Святого Владимира или, как его еще называли, «День православной культуры». В память о выдающихся деятелях русской культуры устраивались музыкальные и литературные вечера, благотворительные концерты, средства от которых шли на поддержку молодых талантов.

В первые годы японской оккупации Маньчжурию покинули многие представители творческих профессий, и культурная жизнь несколько замерла. Однако во второй половине 1930-х гг., во многом благодаря усилиям Главного Бюро, в Харбине вновь оживилась театральная деятельность, возникли Харбинское симфоническое общество (ХСО) и

Общество изучения старого русского искусства (ОИРСИ). Значительную известность в Маньчжоу-го и за его пределами приобрел Харбинский симфонический оркестр, имевший в своём репертуаре лучшие произведения русской классической музыки. В январе 1944 г. по инициативе ГБРЭМ и ХСО в Харбине открылся новый театр «Русская опера в Восточной Азии». Этот весьма дорогостоящий проект реализовался, благодаря поддержке и участию в финансировании Японской военной миссии. ЯВМ и прежде оказывала финансовую поддержку культурным проектам ГБРЭМ, но случай с оперной постановкой весьма примечателен тем, что средства на неё были отпущены, несмотря на тяжёлые условия военного времени.

Провозгласив лояльное отношение к национальным культурным традициям народов Маньчжоу-го, ЯВМ, тем не менее, взялась перестраивать жизнь оккупированной страны на японский лад. С марта 1932 г. в новоявленную «империю» стали прибывать японские специалисты в области образования, которые занялись разработкой школьных программ и учебников, основанных на морально-этических принципах конфуцианства. Их содержание было нацелено на японскую интерпретацию внутренних и международных событий, воспитание лояльного отношения к режиму и сотрудничеству с Японией. В 1935 г. в Маньчжурии было открыто 280 школ японского языка, в которых обучались представители всех национальностей. Цензура держала под контролем печатные издания, репертуары театров, учебные программы и деятельность культурно-воспитательных учреждений.

В конце 30-х гг. в результате реформы народного просвещения в Маньчжоу-го были закрыты все русские высшие учебные заведения. Единственным вузом, где обучение велось на русском языке, стал Северо-Маньчжурский университет. Существенной перестройке подверглось и школьное образование. Учебные заведения были унифицированы по японскому образцу и ориентированы на идеологическое воспитание с акцентом на регионоведение и японский язык.

В то же самое время усилиями БРЭМ русские школы открывались в самых отдаленных районах Маньчжурии, всюду, где имелось эмигрантское население. Так, к началу 40-х гг. под руководством Главного бюро в Маньчжурии работало 12 средних, 104 повышенных¹⁴ и народных школ, 8 специальных образовательных учреждений¹⁵. При Главном Бюро открылась гимназия с женским и мужским отделениями, в которой обучалось до 400 детей¹⁶. Учебный процесс в гимназии имел выраженную политическую направленность и предполагал воспитание русских детей «на принципах *ван дао*¹⁷, в чувствах дружбы и симпатии к народам Маньчжоу-го и охраняющей их великой Японии»¹⁸. Тем не менее, учащиеся изучали русский язык, литературу и историю, т.е. предметы, обеспечивавшие передачу русских духовных и культурных традиций молодому поколению эмигрантов, выросших за пределами России.

На август 1945 г. в ГБРЭМ было зарегистрировано 132 русских эмигрантских организации Харбина, среди которых 7 литературных кружков, Драматическое общество, Харбинское симфоническое общество, Пушкинский комитет и т.д.¹⁹, деятельность которых была направлена на сохранение российских культурных традиций и воспитание в этом духе молодого поколения. В перечне официальных праздничных и непроступственных дней, обозначенных в приказе по ГБРЭМ № 1 в 1945 г. значилось 25 наименований, среди которых Новый год, двенадцать христианских праздников, дни рождения императоров Японии и Маньчжоу-дого, дни основания Японии и Маньчжоу-дого, дни поминовения усопших и праздник окончания года²⁰. Так в одном календаре воплощалась декларируемая японцами идея единения наций и культур под кровлей «общего дома».

Таким образом, содействие сохранению и развитию русской национальной культуры укладывалось в политическую тактику японских властей ровно настолько, насколько это отвечало геополитическим задачам Японии в регионе. Но, тем не менее, русская

эмиграция в Маньчжурии имела возможность не только сохранить свою этнокультурную самобытность, но и воспитать в этом духе молодое поколение.

Вторая по величине колония русских эмигрантов возникла в Шанхае. К середине 1930-х гг. она насчитывала около 20 тыс. чел., а к 1940-м гг. возросла почти вдвое²¹. Найти своё место в многонациональной культуре города-космополита русским эмигрантам было значительно сложнее, чем в Харбине. В 1929 г. известный в эмигрантском мире журналист Л. Астахов писал на страницах газеты «Заря», что только в Харбине русская душа не отравлена «нарядной урбанистической мишурой шумных портовых городов». В Шанхае и Тяньцзине русское население подверглось «обезличивающей обработке...», которая внешне и внутренне смолола податливую русскую душу в ценное «удобрение» для иноземной культуры²².

В Шанхае русские селились главным образом на территориях французской концессии и международного селтльмента, где были востребованы европейские языки и европейское образование. Прослойка творческой интеллигенции в русской колонии значительно выросла за счёт приехавших из Маньчжурии после японской оккупации. Муниципальные власти благосклонно относились к усилиям русских эмигрантов, направленным на сохранение национальной культуры, но деловой уклад жизни города, а также бедственное положение беженской колонии создавали на этом поприще определённые препятствия.

Духовным центром православной эмиграции до 1927 г. была Богоявленская церковь, которая имела драматическую судьбу. Во время гражданской войны в Китае она была осквернена и опустошена, а в 1932 г. разрушена в ходе военного столкновения между китайцами и японцами. В начале 1930-х гг. в Шанхае появились Свято-Николаевский храм и кафедральный собор Божией Матери — Споручницы грешных. Действовало и несколько домовых церквей. Немало усилий для сохранения русских духовно-культурных традиций в эмиграции предпринимали общественно-политические, земляческие и прочие организации. Так, например, в уставе Казачьего союза в Шанхае (КСШ) было заявлено, что целью его являлось объединение казаков «для взаимной духовной и материальной поддержки, для сохранения казачьего единства и исторически сложившегося быта и традиций...»²³.

В Шанхае, как и в других районах Китая, русские общественно-политические организации противостояли друг другу, ослабляя процесс объединения эмиграции, отвлекаясь от решения её насущных проблем. Так, в 1920-х гг. в русской колонии сложилось своеобразное «двоевластие» в лице Комитета защиты прав и интересов русских эмигрантов и Русского эмигрантского комитета. В дальнейшем роль общеэмигрантского центра брали на себя ещё несколько организаций. Такая ситуация явно не способствовала консолидации беженского населения вокруг решения культурно-национальных задач.

«...В Шанхае, этом огромном торговом городе, где царят доллар и расчёт, прокладывать путь к искусству среди толпы торговцев и праздной публики почти невозможно», — писала эмигрантская газета «Шанхайская заря» в начале 1935 г. Далее та же газета сообщала, что «Русское искусство в Шанхае наконец-то пустило корни и постепенно завоевывает авторитет. И соответственно становится всё больше любителей и почитателей русского искусства...»²⁴. Особенно популярны в Шанхае были русские певцы и музыканты. В подтверждение сказанному приведём несколько фактов. Уже в 1924 г. в городе действовали 3 русских вокально-инструментальных студии, в конце 1935 г. открылась Первая русская музыкальная школа, а в 1940 г. — музыкальная школа С.П. Маклецова, выдававшая диплом английского образца. Французский муниципальный духовой оркестр целиком состоял из русских музыкантов. Русские составляли большинство в Муниципальном симфоническом оркестре Шанхая, работали почти во всех джазовых оркестрах и прочих коллективах, преподавали в Китайской национальной консерватории²⁵.

В августе 1947 г., когда пароход с русскими эмигрантами, принявшими советское гражданство, отошёл от берегов Шанхая, одна из местных газет поместила статью под длинным заголовком «Советские деятели искусства возвращаются на Родину, оставляя арену международного искусства в Шанхае значительно опустевшей и поскучевшей». Автор статьи сетовал по поводу оскудения западной культуры с отъездом русских артистов, драматургов, музыкантов, художников, подчёркивая, что они внесли большой вклад «в культурную среду всего Китая»²⁶.

Усилиями эмигрантов в Шанхае открылись национальные учебные заведения: реальное училище, морское училище, коммерческое училище и др. Однако русское образование не было востребовано в Шанхае и не выдерживало конкуренции с западными школами. Выпускники французских или английских учебных заведений имели больше шансов для продолжения образования и устройства на работу. Их интеграция в деловую и культурную жизнь западного мира проходила органично, и в утилитарном смысле иностранные языки были куда важнее русского. Более того, сама атмосфера Международного поселения и Французской концессии располагала к тому, чтобы дети эмигрантов впитывали европейские и американские культурные ценности. Ослаблению этнокультурного сознания способствовали и международные браки, дети от которых часто не знали русского языка.

В Северном Китае русские колонии были небольшими; самая массовая из них возникла в Тяньцзине, однако и здесь её численность в 1920-х гг. не превышала 4 тыс. чел. В 30-х гг. за счёт прибывших из оккупированной Маньчжурии русское население увеличилось и насчитывало около 6 тыс. чел. В Пекине и других городах Северного Китая количество русских резидентов исчислялось сотнями²⁷. Огромное значение для сохранения духовных ценностей дореволюционной России имела деятельность Русской православной миссии в Пекине. За годы присутствия православного населения в Северном Китае здесь было открыто 10 храмов, из них 4 в Пекине и 3 в Тяньцзине²⁸. Один из крупнейших в Китае православных храмов — Свято-Покровский собор в Тяньцзине — собирав на молебны до 1,5 тыс. чел.²⁹.

В Тяньцзине, как и в Харбине, центром притяжения эмигрантов была русская концессия, на территории которой поддерживался вполне домашний русский уклад. Культурная жизнь эмигрантского общества концентрировалась в Русском клубе и Русском благотворительном обществе, усилиями которых устраивались театральные постановки, гастроли артистов и музыкантов. Оживление театральной деятельности наблюдалось на рубеже 1920-х—30-х гг. в связи с приездом из Харбина популярного среди эмигрантов актёра и режиссёра В.И. Томского. Однако по интенсивности культурная жизнь местных эмигрантов не могла сравниться с Харбином или Шанхаем в силу малочисленности творческих сил. При Русском клубе работала библиотека, насчитывавшая до 3 тыс. русских книг, которые после закрытия клуба в 1923 г. перешли в ведение муниципалитета. Русская издательская деятельность была поставлена не так широко, как в Маньчжурии, многие периодические издания закрывались, не просуществовав и года, так как не находили массового спроса. Среди долгожителей из периодики следует отметить газету «Наша Заря» и журнал «Русская жизнь».

В период японской оккупации эмигранты оказались под властью так называемого «Российского антикоммунистического комитета», который большого авторитета в русском обществе не имел, хотя и пытался в меру своих возможностей наладить национальную культурную работу. Аппарат Центрального антикоммунистического комитета (ЦАК) в Тяньцзине был устроен по образцу БРЭМ, и в его структуре тоже был культурно-воспитательный отдел. В ведении ЦАК находились русские образовательные учреждения Тяньцзиня: Первая российская гимназия, детский сад и мусульманская школа. В Пекине под крышей так называемого «Российского дома» действовали три русских учебных заведения: народная школа, народная повышенная школа и воскресная школа для

детей, обучавшихся в иностранных учебных заведениях. В других городах и населённых пунктах делами русского образования занимались местные отделения Центрального антикоммунистического комитета.

В 1940 г. в Тяньцзине под покровительством японских властей открылся Дальневосточный (позднее Восточноазиатский) институт для русских эмигрантов, закрытое учебное заведение, нацеленное на воспитание дисциплинированных молодых людей, «нужных Востоку, необходимых России»³⁰. Обучение было недолгим — полгода или год (по выбору); программа включала общеобразовательные науки, совершенное знание японского языка, руссиеведение и прикладные знания, основную часть которых составляла военная подготовка. По замыслу учредителей института, в закрытом учебном заведении можно было оградить русскую молодёжь от тлетворного влияния западных концессий, коммунистических агентов и прочих вредных воздействий. Выпускники, окончившие институт с отличием, получали право на продолжение образования в Японии.

Значительную часть беженцев, осевших в Тяньцзине, привлекли европейские концессии, главным образом, английская, с её лондонским духом и интенсивной деловой жизнью. В 1940-х гг. на территории английской концессии проживало более половины русского населения Тяньцзиня. Усилиями эмигрантов в городе открылась русская школа, которая со временем получила статус гимназии, однако более престижным считалось образование в иностранных учебных заведениях. Европейское образование способствовало относительно быстрой интеграции молодого поколения эмигрантов в культурную жизнь западных концессий и ослабляло связь с национальными корнями. Как и в Шанхае, здесь были нередкими браки с европейцами, дети которых иностранным языком владели лучше, чем русским.

Среди ветвей русской диаспоры в Китае наименее исследованной до сих пор остаётся эмигрантская колония, рассыпавшаяся по нескольким городам и посёлкам Синьцзяна. Сегодня, во многом благодаря монографии Е.Н. Наземцевой³¹, наиболее известен военно-политический аспект истории русской эмиграции в этой обширной северо-западной провинции Китая. Сведения о культурной жизни русского населения, эмигрантских общественных организациях, наличии или отсутствии творческой интеллигенции и т.д. в опубликованных источниках встречаются фрагментарно или отсутствуют вовсе.

Абсолютное большинство русского беженского населения Синьцзяна составляли крестьяне, казаки и торговцы. Немногочисленная интеллигенция была представлена главным образом инженерами, врачами, школьными учителями и библиотекарями. Приблизительная численность русских эмигрантов в Синьцзяне в начале 1920-х гг. (период массового наплыва) составляла около 25 тыс. чел., к концу 1920-х гг. — около 13500 чел.³². Большинство из них занималось сельским хозяйством, торговлей или состояло на военной службе в китайских частях. Такому разделению труда способствовали, главным образом, три обстоятельства: сельскохозяйственная ориентация региона, социальное происхождение эмигрантов и потребность китайских властей в военной силе. Последнее обстоятельство было вызвано перманентным обострением в провинции этнических конфликтов, выливавшихся в восстания мусульманского населения против местной администрации. Формально русские в Синьцзяне получили равные с остальными этническими группами права, однако фактически их положение зависело от политического фактора и, прежде всего, от характера отношений Синьцзяна с Советским Союзом, влияние которого на администрацию провинции было весьма существенным.

Культурная жизнь эмигрантской колонии сосредоточилась в городах Урумчи, Кульджа и Чугучак, а также в крупных деревнях, где были русские школы, православные храмы, моленные дома и даже самодеятельные театры. Всюду, где жили русские, отмечались православные праздники, соблюдались старинные традиции. Одна из эмигрантских газет сообщала, что столица Синьцзяна — Урумчи — «сейчас стал как бы полурусским городом. Везде слышна русская речь. Большинство городских, да и деревенских

китайцев и... аборигенов края говорят сносно и охотно по-русски. Всюду русские магазины, кондитерские и булочные, разные мастерские»³³.

Культурным центром считался и город Кульджа, куда тянулись лица интеллигентных профессий, где существовали три русские школы: гимназия, средняя школа имени Сталина (для советских детей) и начальная школа — четырёхлетка. В 1937–38 гг. там была построена каменная церковь, в которую поместили икону Табынской божьей матери. Это важное для православных людей событие фактически превратило Кульджу в русскую столицу Синьцзяна. Екатерина Софронова, автор мемуаров о жизни русских в Синьцзяне, отмечала тесное культурное взаимодействие русских эмигрантов и местного населения, особенно ярко выраженное в языке: «Дети в школе были самые разные, и их русский язык был разнообразен и с разными выговорами.... После долгого периода всё настолько смешалось в языке, что никто не знал, как надо сказать то или иное слово правильно...»³⁴. Вытеснению русского литературного языка из ежедневного общения способствовали и межэтнические браки, дети от которых хоть и учились в русских школах, но в разговорной речи употребляли русско-китайский пиджин.

Таким образом, региональный фактор сыграл весьма существенное значение в истории русской эмигрантской культуры в Китае. Наиболее благоприятные условия для её развития сложились в Маньчжурии. До японской оккупации этому способствовал русский уклад жизни в полосе отчуждения КВЖД. В период Маньчжоу-го, как это ни парадоксально звучит, главным условием сохранения и развития эмигрантской культуры стала целенаправленная работа прояпонского административного органа — Бюро по делам российских эмигрантов. В Шанхае эмигрантская творческая интеллигенция нашла широкие возможности для самореализации, значительно повлияв на культурный облик многонационального города. Однако поселение русских резидентов на территориях западных концессий привело к тому, что русский язык во втором и третьем поколениях уступил место языкам европейским.

Похожая ситуация сложилась в Северном Китае, где европейский образ жизни способствовал ослаблению этнокультурных связей в эмигрантской среде. В отличие от Шанхая и Харбина, русское население здесь было немногочисленно, поэтому большого влияния на культурный облик среды обитания оказать не могло. В Синьцзяне при наличии достаточно крупной беженской колонии, рассеянной по нескольким городам и посёлкам, сельскохозяйственная ориентация региона и социальный состав эмигрантского населения не создавали благодатных условий для процветания эмигрантской культуры.

1. Начало сравнительному исследованию истории ветвей российской диаспоры в Китае было положено в монографии Е.Е. Аурилене «Российская диаспора в Китае (1920–1950-е)» (Хабаровск, 2003; [2-е изд., доп.] Хабаровск, 2008).
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 1. Д. 218.
Фонд 830 ГАХК содержит уникальные документы Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ГБРЭМ). Фонд насчитывает 58367 дел, куда входят приказы, распоряжения, доклады и отчеты Бюро, материалы съездов ГБРЭМ, переписка ответственных чиновников с эмигрантами и официальными лицами из Японской военной миссии.
3. *Lattimore, Owen. Manchuria. Cradle of Conflict.* New-York: The Macmillan Company, 1932. P. 247. Пер. с англ. Е. Аурилене.
4. *Ibid.*
5. *Потанова И.В. Русская школа в Маньчжурии: 1898–1945 годы.* Хабаровск: «Частная коллекция», 2010. С. 89–90.
6. Там же. С. 91.
7. Там же. С. 96.
8. *Русский Харбин, запечатлённый в слове: сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко. Е.А. Оглезневой.* Выпуск 1. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2006. С. 3.

9. Там же. С. 4.
10. Черкашина С.А. Из истории Харбинской епархии // Дальний Восток России — Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск: Издат. дом «Частная коллекция», 1998. С. 153, 155.
11. С 1 марта 1934 г. Маньчжоу-го (Государство Маньчжурия) было провозглашено Маньчжурской империей — Маньчжоу-диго.
12. подробнее о Родзаевском см.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 40425. Л. 1–3; *Stephan John J.* The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile. 1925–1945. New York — San Francisco — London: Harper & Row, Publishers, 1978. P. 48–59, 125–174; *Мельников Ю.* Русские фашисты в Маньчжурии (К.В. Родзаевский: трагедия личности)// Пробл. Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121; 1991; № 3. С. 156–164.
13. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 73. Л. 16.
14. Повышенная школа — ступень между средним и начальным образованием. См. подробнее: *Потапова И.В.* Русская школа в Маньчжурии. 1898 -1945. Хабаровск: «Частная коллекция», 2010. Гл.3.
15. ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 32.
16. Луч Азии. (Харбин), 1938. № 41. С. 1.
17. В традиционной китайской политической мысли принцип *ван дао* означает «Путь [истинного] царя», или «принцип [добродетельного] правителя» (в конфуцианской трактовке), «путь к господству в Поднебесной» (в легизме). Японские оккупационные власти объявили принцип *ван дао* основой своей официальной идеологии, нацеленной на освобождение Восточной Азии от западного империализма и создание «Нового порядка», т.е. сферы процветания для всех народов региона. См. подробнее: Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 235; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск: «Частная коллекция», 2008. С. 38, 55–62.
18. ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 17. Л. 90–92.
19. ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 41. Л. 9–18.
20. ГАХК. Ф. 830. Оп. 2. Д. 39. Л. 1.
21. The Bancroft Library/ University of California, USA. Peter P. Balakshin Papers. Box 1. Письмо Г. Келли П. Балакшину от 12 июля 1978 г.
22. Заря (Харбин). 1929. 17 октября.
23. См. подробнее: *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 131–170.
24. *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае/ Пер. с кит. М.: Русский путь: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. С. 449.
25. *Ван Чжичэн.* Указ соч. С. 477–478; *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. 2008. С. 155.
26. *Ван Чжичэн.* Указ. соч. С. 450.
27. *Балакшин П.* Финал в Китае. Т. 1. Сан-Франциско — Париж — Нью-Йорк: Сириус, 1959. С. 236; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997. С. 117.
28. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 145. Л. 77.
29. Заря. 1929. 8 ноября.
30. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 23. Л. 71.
31. *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.): Монография. Барнаул: ОАО ИПП «Алтай», 2010.
32. Там же. С. 25, 82.
33. Там же. С. 85.
34. *Софронова Е.* Где ты, моя Родина? М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1999. С. 93–94.